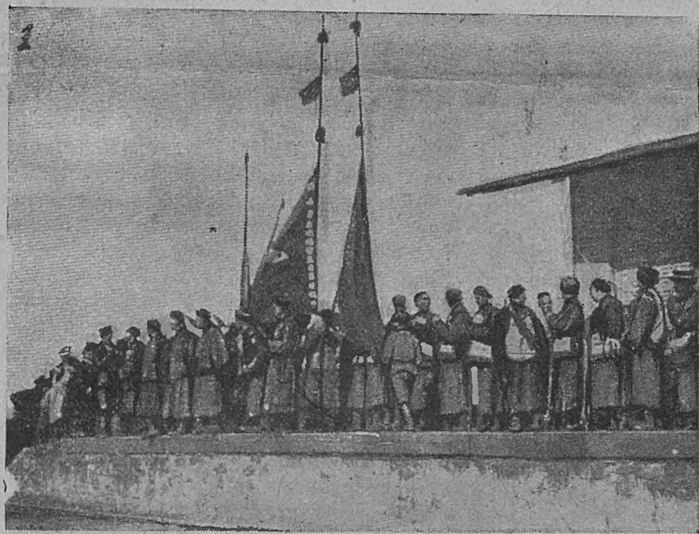

Иллюстрированное Обозрѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“.

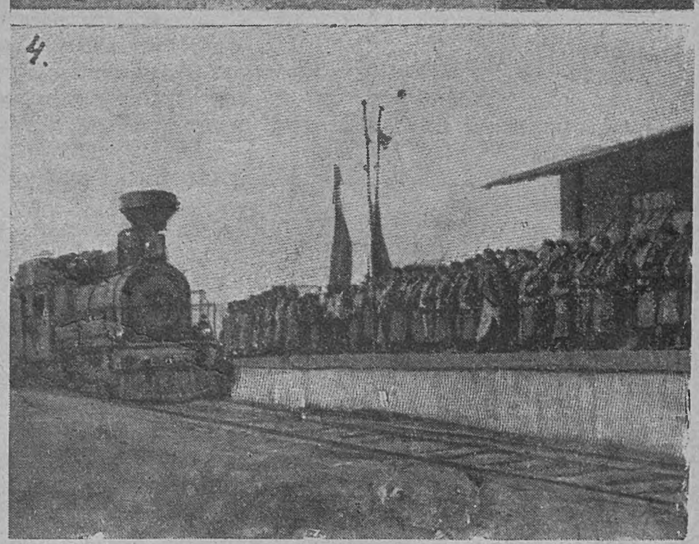
№ 10 Пятница, 25 марта (7 апрѣля) 1905 г. № 10

					
Поручикъ 11-го семипалатинскаго полка К. А. Крушевскій, раненный въ бою подъ Мукденомъ.	Капитанъ 2°5-го мценскаго полка М. Н. Полунинъ, убитый въ бою подъ Мукденомъ.	Шт.-кап. семипалатинскаго полка П. Н. Ступикъ, раненный въ бою подъ Мукденомъ.	Поручикъ 12-го пѣх. великолуцкаго полка В. В. Трошинъ, раненный въ бою подъ Мукденомъ.	Поручикъ 11-го семипалатинскаго полка В. Ю. Ланковскій, раненный въ бою подъ Мукденомъ.	Пор. 43-й артилл. бригады Є. Аргамановъ, убитый въ бою подъ Мукденомъ.

Городъ Харбинъ.

1) Китайскія войска со знаменами на желѣзнодорожной станціи. 2) Уголъ Китайской и Старопристаньской улицъ. 3) Новгородская улица. 4) Прибытіе поѣзда на станцію „Харбинъ“.

Съ фотографій нашего корреспондента, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

У плѣнныхъ японцевъ.

(Отъ спеціально командированнаго сотрудника „Биржевыхъ Вѣдомостей“).

Въ Медвѣдь. — Газетный скептикъ.—Разговоръ съ ямщикомъ. — У командира полка.—Харакири. — Японскія похороны.—Типы плѣнныхъ.—Того и Сакурай —Переписка и цензура.—Джульетта изъ Калуги.—Заработки японцевъ.—Содержаніе плѣнныхъ. —Заболѣваемость.—Принудительныя работы. Катокъ.—Аракчеевскіе памятники.—Размѣнъ плѣнныхъ.—Подробности самоубійства. — Уторгошъ.

За послѣднее время часто говорится о плѣнныхъ японцахъ, часто упоминается аракчеевскій поселокъ Медвѣдь, гдѣ, по распоряженію властей, находятся въ плѣну наши враги...

Чтобы добраться до Медвѣдя, приходится ѣхать по двумя дорогамъ—николаевской до Чудова и узкоколейной новгородской—до Шимска.

Шимскъ — крохотная станція, одиноко пріютившаяся у полотна новгородской дороги, въ 145 верстахъ отъ Петербурга.

Кругомъ, насколько видитъ глазъ,—голыя степи, то залитыя водой, то еще бѣлѣющія отъ послѣдняго снѣга.

Ни лѣса, ни избъ, ни малѣйшаго признака жилья...

Невольно задаешься даже вопросомъ, для чего понадобилась здѣсь станція, съ начальникомъ, телеграфомъ и цѣлымъ составомъ служащихъ...

— Скажите, гдѣ начальникъ станціи?—обращаюсь я къ кому-то изъ мѣстной администраціи.

— Это я,—козыряя по военному, отвѣчаетъ онъ.

— Я ѣду въ село Медвѣдь... Не можете-ли мнѣ дать указаній, какъ удобнѣе пробраться туда?

— Съ удовольствіемъ... Пожалуйте ко мнѣ.

— Вотъ,—говоритъ онъ, когда мы усѣлись другъ противъ друга въ крохотной комнаткѣ, громко именуемой „конторой начальника станціи“—вамъ придется взять лошадей, вольныхъ, почтовыхъ сейчасъ нѣтъ ни одной, и прямехонько до Медвѣдя... Рукой подать...

— Сколько это верстъ?

— Всего пятнадцать...

Пятнадцать верстъ по отвратительному россійскому шоссе, да еще, навѣрное, въ безрессорной кибиткѣ! И это называется „рукой подать“?

Когда-то мы доживемъ до хорошихъ грунтовыхъ дорогъ, до рессорныхъ экипажей, до благоустройства?

— Вѣроятно, ѣдете на японцевъ полюбопытствовать?—спросилъ мой собесѣдникъ.

— Вы угадали. Кстати, вы не знаете, что у нихъ тамъ случилось?

— Да ничего особеннаго...одинъ зарѣзался, не то бритвой, не то ножемъ...

— А я читалъ въ газетахъ, что многіе изъ нихъ покончили съ собой. Часть сдѣлала себѣ „харакири“, другіе отравились мышьякомъ...

— Ну, вотъ еще! Да какъ бы имъ дали? Тутъ за ними глазъ, да глазъ... До этого и не допустятъ...

— Вы, значитъ, провѣрять пріѣхали?—немного помолчавъ, продолжалъ онъ. — Да развѣ можно всему вѣрить, что въ газетахъ пишутъ... Вѣрьте на половину...

Лошади были поданы, и мѣстный жандармъ сообщилъ мнѣ объ этомъ.

Трогаюсь въ путь.

* * *

Ямщикъ хлещетъ по лошадямъ, и нѣрысцой, поминутно спотыкаясь, бѣгутъ по ужасной дорогѣ.

Мой „экипажъ“ скрипитъ по всѣмъ швамъ, накреняется то въ одну, то въ другую сторону, то проваливается въ лужи и обдаетъ меня жидкой липкой грязью...

— Не во-время, баринъ,—говоритъ мнѣ ямщикъ—пожаловали сюда... дорога плоха... размокропогодилось...

Въ самомъ дѣлѣ, хуже дороги, чѣмъ та, по которой приходится ѣхать, трудно себѣ и представить. „Вешнія воды“ разлились, и кругомъ безконечная вода, иногда по брюхо лошади...

Я уперся ногами, держусь руками за сидѣнье—вѣдь, вылетѣть при такой ѣздѣ совсѣмъ не трудно.

Хотя эта дорога и представляетъ собою сплошную „грязевую ванну“, тѣмъ не менѣе, я не намѣренъ принимать ее.

— Поѣзжай поскорѣе, я тебѣ прибавлю,—обыкновенно говорятъ проѣзжіе.

Я сдѣлалъ обратное:

— Поѣзжай потише, получишь на чай.

О скорой ѣздѣ въ это время не можетъ быть и рѣчи и, пожалуй, „тише ѣдешь—дальше будешь“ здѣсь примѣнимо въ полномъ объемѣ.

— Видалъ-ли японцевъ?—спрашиваю ямщика.

— Какъ же! Эво, невидаль! Ихъ тутъ много... Раньше гуляли по всему селу, но таперича, ка ъ, значитъ, узнали, что съ нашими они не церемонятся, имъ, значитъ, свободу и стѣснили...

— А какъ мужички относятся къ японцамъ?

— Какъ?—отвѣчаетъ онъ,—да разно... Конечно, они теперь ничего, но не особенно, кажись, ихъ долюбливаютъ... Иной разъ и поколотить бы ихъ хотѣлось, да солдатики около...

— За что же ихъ бить теперь, они въ плѣну, они уже не враги...

— Ну, баринъ, прости, какъ не враги? Они, значитъ, перебили нашихъ родичей. а мы прощай имъ, нѣтъ, это не то...

Я напомнилъ ямщику о всепрощеніи.

— Да,—понизивъ сразу тонъ, заговорилъ онъ,—такъ... Оно точно... Можетъ, они и не по своей волѣ шли убивать... Значитъ, начальство приказало... Вѣдь, что же скрывать, у насъ, вѣдь, тоже не хотятъ многіе итти на войну... Смерти сами не боятся, а убивать противно... Въ законѣ, вѣдь, сказано: „не убій“.

— Какъ же такъ?

Онъ почесалъ затылокъ и, повернувшись на облучкѣ, вопросительно посмотрѣлъ на меня, а затѣмъ продолжалъ:

— Не убій, вѣдь, сказано про всякаго человѣка, а вѣдь японецъ, хоть и не такой человѣкъ, какъ мы, а вѣдь человѣкъ?..

Въ этотъ моментъ нашъ экипажъ тряхнуло, одна лошадь споткнувшись упала, разговоръ оборвался...

Черезъ нѣсколько минутъ, однако, „порядокъ былъ возстановленъ“ и мы тихо двинулись дальше.

Прошелъ уже часъ, а конца дороги и не видать. Все тѣ же безконечныя болота съ каркающими воронами на кочкахъ и безконечная прямая дорога...

— Ну, гдѣ же Медвѣдь?

— А вонъ! Видите, баринъ, гдѣ церковь виднѣется, это, значитъ, и есть село...

Я смотрю по направленію, указываемому кнутовищемъ, но ничего не вижу.

Бѣлая церковь слилась съ бѣлымъ небомъ, и ее не отличишь на такомъ разстояніе.

Только полчаса спустя я ясно вижу церковь, дома, а затѣмъ вскорѣ съ шумомъ и трескомъ въѣзжаю въ село и ѣду по главной улицѣ, направляясь къ командиру расквартированнаго здѣсь 199-го пѣхотнаго свирскаго полка А. Ю. Станкевичу, котораго, несмотря на ранній часъ, не застаю уже дома.

* * *

— Гдѣ же полковникъ?

— Вѣроятно, въ канцеляріи,—говоритъ мнѣ бравый денщикъ.

Въ канцеляріи, однако, его нѣтъ и мнѣ сообщаютъ, что онъ въ полку и предлагаютъ обождать.

Ждать приходится долго — около двухъ часовъ.

Какъ только командиръ полка вернулся, ему доложили обо мнѣ, и онъ немедленно попросилъ меня въ свой кабинетъ.

Я изложилъ ему цѣль поѣздки.

— Харакири... Нѣсколько человѣкъ... — смѣясь,говорилъ онъ—ничего подобнаго...кто сообщилъ вамъ, тотъ все преувеличилъ. 14-го марта одинъ японецъ, изъ послѣдняго транспорта плѣнныхъ, перерѣзалъ себѣ перочиннымъ ножемъ горло и умеръ. Вотъ и все. Затѣмъ, другой умеръ отъ чахотки, третій еще раньше умеръ въ Николаевскомъ военномъ госпиталѣ отъ ранъ... У него было исковеркано снарядомъ лицо, его приходилось питать искусственнымъ путемъ, такъ какъ было повреждено горло... Случаевъ не только отравленія, но даже покушенія на отравленіе не было ни разу... Все это басни, басни и басни... Мы нисколько не скрываемъ смертныхъ случаевъ и все публикуемъ въ „Рус. Инв.“, и эти случаи, про которые мы говорили, тоже распубликованы...

— Скажите, гдѣ похоронены умершіе японцы?

— Около села... На мѣстномъ кладбищѣ... Такихъ похоронъ, какія происходили здѣсь, вѣроятно, никто никогда не видѣлъ. Покойника положили въ простой дубовый гробъ и повезли на кладбище. Кругомъ шла почти in corpore вся мѣстная японская колонія. У однихъ въ рукахъ были самодѣльные огромные цвѣты, у другихъ японскіе фонарики, у третьихъ нарциссы на длинныхъ жердяхъ. Шествіе вытянулось во всю деревню и населеніе съ вполнѣ понятнымъ любопытствомъ слѣдило за нимъ. Присутствовали почти всѣ русскіе офицеры, кругомъ шли солдаты-конвоиры. Японцы, какъ показалось присутствующимъ, относились къ смерти товарища безразлично...Когда бонзой читалась надъ открытой могилой молитва, всѣ разговаривали, хихикали, курили папиросы... Во время службы присутствовавшіе хлопали въ ладоши. Затѣмъ, начались рѣчи—ихъ говорили японскіе офицеры чрезвычайно быстро, какой-то особой скороговоркой, то повышая тонъ едва-ли не до крика, то понижая до шепота. Съ особеннымъ паѳосомъ говорилъ полковникъ генеральнаго штаба—Сакурай, о которомъ рѣчь еще впереди. Вѣроятно, онъ говорилъ что-нибудь особенное, такъ какъ всѣ побросали папиросы и слушали его съ напряженнымъ вниманіемъ.

Наши же вслушивались, но ничего, разумѣется, не понимали.

А кто поручится за то, что онъ не произнесъ рѣчь политическаго характера?!

Затѣмъ могилу засыпали и водрузили въ образовавшійся холмикъ четырехгранный столбъ съ какими-то іероглифами, а около поставили три фаянсовыхъ чашечки съ кушаньемъ. Въ средней была вода, въ правой—рисъ, въ лѣвой—небольшіе бѣлые хлѣбцы, величиной съ кусочекъ сахара. Весь холмикъ убрали искусственными цвѣтами, постояли минутку, другую, а затѣмъ тихо направились въ казармы, раздавая по пути крестьянскимъ дѣтямъ оставшіеся цвѣты и фонари...

На слѣдующій день плѣнные обратились

къ своему начальству съ просьбою разрѣшить имъ посѣтить кладбище. Разумѣется, разрѣшеніе послѣдовало моментально, и они отправились.

Тамъ ихъ ждало большое огорченіе—всѣ пиѳты, чашечки съ пищей были украдены. Японцы возмутились, начали шумѣть. И ихъ могли только успокоить тѣмъ, что это шалость дѣтей, которыхъ они положительно обожаютъ и которымъ прощаютъ рѣшительно все...

* * *

Во время прогулокъ, если японецъ встрѣтитъ ребенка, онъ ни за что не пройдетъ мимо, не приласкавъ его, и всегда восторгается красотой русскихъ дѣтей.

— У насъ такихъ нѣтъ,— говорятъ они.

Русскій типъ, очевидно, имъ пришелся по душѣ.

Сказанное относится только къ японцамъ.

Другіе плѣнные—англичане, китайцы, корейцы--относятся къ дѣтямъ безразлично, а къ товарищамъ по заключенію враждебно.

Первое время вражда была такъ сильна, что нерѣдко между плѣнными происходили столкновенія, и начальство, во избѣжаніе серьезныхъ послѣдствій, изолировало корейцевъ отъ японцевъ.

Между плѣнными есть очень интересные типы.

Обращаетъ на себя вниманіе хунхузъ Вай-Ченъ.

Это красавецъ на рѣдкость, съ такой косой, какой позавидуетъ любая изъ нашихъ дамъ.

Среди японцевъ самые интересные: Сакурай, про котораго я уже упомянулъ, и Того, племянникъ знаменитаго адмирала, устроившійся въ плѣну лучше остальныхъ.

Онъ здѣсь со своей гейшей и служанкой.

Гейша, не изъ красивыхъ, даже съ японской точки зрѣнія, говоритъ недурно по-русски. Маіоръ тоже владѣетъ русскимъ языкомъ, но разговаривать, вообще, избѣгаетъ. Онъ предпочитаетъ уединеніе и, повидимому, плѣнъ сильно угнетаетъ его.

Сакурай, наоборотъ, довольно болтливъ и мнѣ, несмотря на запрещеніе разговаривать съ военноплѣнными, удалось перебросится съ нимъ нѣсколькими фразами.

Сакурай, какъ и всѣ японцы, небольшого роста, широкоплечій, съ довольно полнымъ лицомъ, бронзоватаго оттѣнка. Глаза смотрятъ проницательно и умно. Одѣтъ онъ въ кэпи, статское пальто и высокіе резиновые сапоги.

Говоритъ толково, слушаетъ внимательно. Онъ хорошій лингвистъ. Мнѣ положительно не вѣрится, что онъ изучилъ Россію только по учебникамъ и оффиціальнымъ путешествіямъ. Очевидно, у него были и другіе источники для познаній. Можно смѣло сказать, что ни одинъ изъ нашихъ офицеровъ генеральнаго штаба не знаетъ такъ Японіи, какъ этотъ японскій полковникъ Россію. Сакурай изъѣздилъ всю Россію, былъ въ Европѣ и Америкѣ, но, повторяю, врядъ-ли, какъ оффиціальное лицо: въ такомъ случаѣ ему бы не показали того, что ему извѣстно.

Сакурай, сидя въ плѣну, не теряетъ даромъ времени. Онъ читаетъ, учится... Про успѣхи его въ русскомъ языкѣ говорить не приходится—онъ изучилъ его еще до войны.

Я не знаю, какое оффиціальное положеніе занималъ Сакурай въ Японіи, но всѣ плѣнные офицеры относятся къ нему съ рѣдкимъ уваженіемъ.

Мнѣ пришлось наблюдать на прогулкѣ, какъ всѣ почтительно сторонились, отдавали честь и затѣмъ, положивъ руки по бедрамъ, ладонями наружу, слегка наклоняли впередъ свой корпусъ,—какъ мнѣ объяснили,—въ знакъ особаго уваженія.

Вообще, японцы другъ другу рукъ не подаютъ и всегда здороваются и прощаются вышеприведеннымъ молчаливымъ способомъ.

* * *

Японскіе офицеры, если не работаютъ, то все свободное время посвящаютъ чтенію и письму.

Читаютъ они по-нѣмецки, англійски, но чаще по-русски.

Вотъ послѣднія книги, потребованныя ими: „Русская исторія"—Баженова, „Международное право"—Мартенса, учебники географіи Бѣлоха, Лебедева, сочиненія Шиллера, Шекспира и другія, но больше сочиненія практическаго характера, сочиненія, изъ которыхъ можно почерпнуть свѣдѣнія о нашей родинѣ...

Они получаютъ много писемъ, но сами отправляютъ значительно больше. Пишутъ они тушью, столбцами, на свертках иногда въ три-четыре метра длиною. У японцевъ существуетъ два правописанія: „катаканъ" и „іероглифы". У насъ имъ разрѣшено переписываться только катаканомъ, такъ какъ второй способъ признанъ за шифръ. Это распоряженіе совершенно непонятно, такъ какъ, въ дѣйствительности, для русской цензуры въ лицѣ мѣстныхъ офицеровъ и „катаканъ" и „іероглифы" являются шифромъ. Ни одинъ изъ нихъ ни звука не знаетъ по-японски, и при сложныхъ переговорахъ всѣ прибѣгаютъ къ посредству Сакурая, который служитъ въ такихъ случаяхъ драгоманомъ. Весь вопросъ въ томъ, можно-ли довѣрять ему, не слишкомъ-ли это рискованно?

Я думаю, что при такомъ количествѣ плѣнныхъ, когда постоянно есть общіе интересы, ихъ нельзя разрѣшать при посредствѣ Сакурая, а необходимо имѣть своего офицера-лингвиста.

Неужели же у насъ и этого нѣтъ?

Когда я говорилъ съ однимъ изъ мѣстныхъ офицеровъ о сношеніяхъ плѣнныхъ съ родиной, объ ихъ перепискѣ, онъ мнѣ сказалъ, что всѣ письма идутъ къ нимъ въ канцелярію для цензуры.

— Но, вѣдь, у васъ никто не знаетъ японскаго языка?

— Никто...

— Такъ какъ же...

— Мы накладываемъ свою печать на ихъ письмо и отсылаемъ его въ Петербургъ въ бюро военноплѣнныхъ.

— А тамъ читаютъ?

— Вѣроятно...

Въ томъ-то и дѣло, что „вѣроятно".

Печать полковой канцеляріи—равносильна печати цензуры. Бюро, очевидно, полагается на эту „печать" и отсылаетъ письма черезъ посредство, кажется, американскаго посольства въ Японію, а что въ нихъ,—никому неизвѣстно.

Это—опереточная цензура.

Между тѣмъ, здѣсь необходимъ фактическій контроль, а не прикладываніе печатей. Здѣсь нужны офицеры-лингвисты, которые бы знали японскій языкъ.

Такъ, мы сами выпускаемъ о себѣ сенсаціонныя утки о скверномъ обращеніи съ плѣнными и только вредимъ нашимъ героямъ, томящимся въ японской неволѣ.

* * *

Японскіе офицеры на рѣдкость вѣжливы какъ съ нашими офицерами, такъ и солдатами. Они всегда здороваются, всегда предупредительны...

Про англійскихъ плѣнныхъ, находящихся здѣсь, этого сказать нельзя. Первое время они не только не здоровались, но даже всячески старались сдѣлать намъ какую-либо непріятность.

Особенно интересны: Андерсонъ и Каръ-Михаэль, оба съ погибшихъ транспортовъ.

Между прочимъ, Андерсонъ теперь утверждаетъ, что война кончится въ апрѣлѣ, самое позднее въ маѣ, это же подтверждаютъ и большинство японскихъ офицеровъ, переписывающихся съ родиной.

Каръ-Михаэль красавецъ собой. Когда онъ съ плѣнными слѣдовалъ черезъ Калугу, то какая-то мѣстная помѣщица влюбилась въ него, послѣдовала за нимъ въ Медвѣдь и хотѣла раздѣлить съ нимъ тоску заключенія.

Мѣстныя власти сами не могли разрѣшить этого и обратились въ главный штабъ, но онъ отклонилъ ихъ ходатайство, разрѣшивъ лишь отъ времени до времени видѣться въ канцеляріи полка и то въ присутствіи кого-либо изъ офицеровъ.

Конечно, влюбленные возмущены военной строгостью и утѣшаются только тѣмъ, что „война скоро окончится".

Характерно, что англійскій Ромео ни звука не говоритъ по-русски, а калужская Джульетта ни звука по иностранному.

Какъ они сговариваются,—никто не знаетъ. Джульетта поселилась теперь въ Новгородѣ.

Этотъ веселенькій фарсъ всколыхнулъ ненадолго мѣстное болото, далъ новую тему для сплетенъ.

Всѣ японскія работы, которыя петербуржцы видѣли на выставкахъ,—работы интеллигентной Японіи, офицеровъ.

Насколько они трудолюбивы, настолько солдаты лѣнивы, неразвиты...

* * *

Японскіе солдаты, которыхъ я видѣлъ въ Медвѣдѣ, производятъ очень невыгодное впечатлѣніе.

Скажу болѣе, они даже не похожи на солдатъ.

Маленькаго роста, сутулые, ходятъ въ перевалку... Они ничѣмъ не напоминаютъ военнаго человѣка, подтянутаго и вымуштрованнаго.

Это скорѣе мужички отъ сохи, или соотвѣтствующаго ей японскаго инструмента. Къ своимъ офицерамъ они относятся безразлично, не обращаютъ на нихъ вниманія,—этого они ни въ коемъ случаѣ не заслуживаютъ.

Достаточно сказать, что плѣнные офицеры, получая 50 рублей въ мѣсяцъ, удѣляютъ извѣстный процентъ на улучшеніе солдатскаго стола и, кромѣ того, отдаютъ для этой же цѣли 50% своего заработка.

Между тѣмъ, это является вполнѣ лишнимъ —японскіе солдаты содержатся образцово, кормятъ ихъ прекрасно и за время плѣна всѣ они сильно поправились. За столомъ внимательно слѣдитъ командиръ полка—человѣкъ въ высшей степени гуманный.

Любимое кушанье: ломоть бѣлаго хлѣба, намазанный толстымъ слоемъ горчицы и обильно посыпанный каенскимъ перцемъ.

Вообще, японцы очень любятъ всякія пряности...

Безспорно, по общему свидѣтельству, японцы содержатся даже лучше нашихъ солдатъ.

Не слишкомъ-ли это?

Что японскіе солдаты малокультурны, доказываетъ ихъ восточная грязь.

Они совершенно не слѣдятъ за собой и вѣчно страдаютъ отъ паразитовъ. Вечеромъ въ ихъ казармахъ можно наблюдать отвратительныя сцены. Передъ раскаленными печками (теперь, по ихъ требованію, температура въ казармахъ доведена до 20° R) они сидятъ нагишемъ и, какъ обезьяны, ищутъ насѣкомыхъ и бросаютъ ихъ въ огонь. Спятъ они всегда голыми. Сказанное относится только къ солдатамъ.

— Солдаты-ли это?—высказалъ я одному изъ нашихъ офицеровъ.

Могилы японскихъ плѣнныхъ въ селѣ Медвѣдь, Новгородской губерніи.
Со снимка специально командированнаго сотрудника „Биржевыхъ Вѣдомостей".

Командиръ 1-го читинскаго полка
Павловъ,
произведенный за храбрость въ генералъ-маіоры.

— Возможно, что японскіе хулиганы... У нихъ мало военной выправки. На ихъ транспортахъ, вѣдь, былъ всякій сбродъ...

Первая партія плѣнныхъ, прибывшая сюда, была хорошо одѣта, вторая—хуже, послѣдняя пришла совсѣмъ рваной.

Первые уже переодѣты въ платье, по фасону напоминающее арестантское: сѣрыя куртки съ черными отложными воротниками и „безкозырки", которыхъ, кстати сказать, они не долюбливаютъ и предпочитаютъ носить свои старыя „кэпи".

Послѣднюю партію я видѣлъ такъ, какъ она была захвачена. Это нѣчто вродѣ французовъ въ двѣнадцатомъ году... Одѣты во что попало. Одни въ формѣ, другіе въ статскомъ, третьи въ китайскихъ шубахъ, а одинъ во что-то вродѣ дамской ротонды. Здѣсь есть гусары въ формѣ, похожей на нашихъ гродненскихъ; санитары въ очень красивой формѣ, отдаленно напоминающей уланскую, простые рядовые, одѣтые кое-какъ. Конечно, скоро всѣхъ ихъ переодѣнутъ—въ мѣстной швальнѣ кипитъ работа...

Японскіе солдаты ничего не дѣлаютъ, а только гуляютъ, ѣдятъ, спятъ.

Одно ограниченіе—нѣтъ свободы.

Впрочемъ, и это относительно.

Имъ разрѣшено отъ 10 ч. 30 м. до 12 гулять по плацу и бульвару, по краямъ котораго стоятъ нѣсколько нашихъ солдатиковъ и добродушно поглядываютъ, какъ-бы кто не сбѣжалъ.

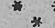
Всѣ солдаты безъ ружей.

Японцы страшно кутаются; главнымъ образомъ, они берегутъ горло, которое часто за неимѣніемъ шарфа повязываютъ полотенцемъ и всегда, не обращая вниманія на погоду, ходятъ съ поднятыми воротниками.

Горловыхъ болѣзней у нихъ не было, за то гастрическихъ не мало. Были даже два случая холеровидныхъ заболѣваній.

Это надѣлало всѣмъ не мало хлопотъ. Пришлось пріѣхать сюда и бригадному врачу, а командиръ устроилъ даже карантинъ, который сегодня уже снятъ—больные, какъ я узналъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, поправляются.

Впрочемъ, нѣтъ худа безъ добра: грязный, запущенный Медвѣдь немного подчистился.

Общій видъ города Ялты.
(По случаю послѣднихъ печальныхъ событій).
Съ фотографіи нашего корреспондента, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

Къ боямъ подъ Мукденомъ. — Геройская защита позицій у Сандепу.
Съ наброска англійскаго корреспондента, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

Выше я уже упомянулъ, что японскіе солдаты нетрудолюбивы.

Одно время здѣсь возникъ вопросъ о принудительныхъ работахъ, но ничего болѣе остроумнаго не могли придумать, какъ заставить японцевъ расчищать снѣгъ.

При этой работѣ наши солдатики „покатываются со смѣху".

Неудивительно.

Японцы, сгребая снѣгъ, бросаютъ его не въ сторону, а себѣ черезъ голову.

Особое удовольствіе доставляетъ имъ обсыпать снѣгомъ русскаго солдатика, который сноситъ это вполнѣ добродушно. Работаютъ они нерѣдко съ пѣснями.

Но, Боже, что это за пѣніе!

Это какой-то заунывный диссонансъ, сплошная какофонія!..

Когда зимой на мѣстномъ плацу былъ устроенъ катокъ, то всѣ японцы приходили сюда любоваться на катанье англичанъ, виртуозовъ этого спорта.

Такъ продолжалось дня два, три.

Затѣмъ японцы попросили купить имъ коньки и быстро стали конкуррировать съ англичанами.

Плѣнныхъ особенно не стѣсняютъ,—они едва-ли не цѣлый день на воздухѣ, ходятъ даже въ село за покупками (отъ 12—1 час. дня), но уже подъ конвоемъ.

Только отъ семи вечера до семи утра всѣ должны быть дома, и тогда устанавливается военный караулъ.

— Не было-ли попытокъ къ бѣгству?

— Со стороны японцевъ—нѣтъ, да и бѣжать некуда.

* * *

Въ самомъ дѣлѣ,—едва-ли не на десятки верстъ кругомъ болота, болота и болота. Только суровый Аракчеевъ и могъ выбрать это мѣстечко и заселить его.

Здѣсь все дышитъ имъ.

И неуклюжія казармы, и гауптвахта, и даже памятникъ Николаю Первому.

Однѣ названія флигелей чего стоютъ: вотъ

Отправленіе изъ Одессы плавучаго госпиталя Добровольнаго флота „Кострома".

„сумасшедшій домъ“, вотъ „монастырь“, вотъ „вяземская лавра“...

Гауптвахта—приземистое уродливое зданіе съ башенкой.

Преданіе говоритъ, что Аракчеевъ, когда крестьяне работали въ этихъ убійственныхъ поляхъ, ходилъ по башенкѣ и въ подзорную трубу слѣдилъ за работами.

Если онъ замѣчалъ кого-нибудь въ нерадѣніи, то приказывалъ немедленно приводить къ себѣ и пороть въ его присутствіи. Говорятъ, что онъ самъ даже отсчитывалъ удары...

Трудно было подыскать что-либо болѣе подходящее для плѣна, чѣмъ село Медвѣдь—оно изолировано, какъ какой-нибудь необитаемый островъ.

Вообще же Медвѣдь производитъ самое непріятное впечатлѣніе—это грязная деревня безъ единой улицы, если не считать бульвара около дома командира.

Однако, я отвлекся въ сторону.

* * *

Могу сообщить маленькую новость.

У насъ начался размѣнъ плѣнныхъ. 19-го марта, по распоряженію главнаго штаба, отправлены отсюда два японскихъ врача.

Ихъ сопровождаетъ до Вержболова полковой адъютантъ Крживицкій. Тамъ они будутъ переданы подъ покровительство, вѣроятно, американскаго консула и черезъ Америку отправлены въ Японію.

Кого мы получаемъ взамѣнъ—неизвѣстно.

На-дняхъ предстоитъ еще одна отправка. Мы возвращаемъ тринадцать санитаровъ.

Стоило-ли ихъ привозить въ Медвѣдь? Это обошлось недешево, еще дороже ихъ пересылка обратно, принимая во вниманіе прогонныя сопровождающимъ чинамъ съ офицеромъ во главѣ.

Здѣсь плѣнныхъ около 900 человѣкъ, изъ нихъ 73 офицера.

Всѣ они очень хорошо относятся къ мѣстному населенію, всегда привѣтствуютъ полновыхъ дамъ, говоря имъ:

— Здрастуйте, бабушка.

Послѣднимъ это не совсѣмъ по душѣ.

Когда японцевъ спрашиваютъ, зачѣмъ они затѣяли войну, они не признаютъ себя виноватыми и говорятъ:

— Вашъ микадо много земли, нашъ микадо міу-міу...

Нѣкоторые изъ нашихъ офицеровъ „объяпонились“ и „изъ пятаго въ десятое“ объясняются по японски. Японцы же чуть не всѣ понимаютъ по русски, и многіе сносно говорятъ.

* * *

Самоубійца, японскій унтеръ-офицеръ, о которомъ я упоминалъ уже въ началѣ этой статьи, расчитался съ жизнью поразительно жестоко и хладнокровно.

Какъ мнѣ разсказали здѣсь—онъ ночью въ спальнѣ прорѣзалъ перочиннымъ ножемъ себѣ горло, а потомъ разорвалъ его руками...

Ни стоновъ, ни криковъ никто не слышалъ. Его нашли подъ утро истекшимъ кровью...

Въ началѣ даже возникъ вопросъ объ убійствѣ, но потомъ вполнѣ подтвердилось самоубійство въ припадкѣ острой меланхоліи. Нашлась даже записка, въ которой онъ объяснялъ, что неисполненный долгъ передъ правительствомъ заставилъ его покончить съ собою.

Этотъ унтеръ былъ захваченъ нашими войсками, когда везъ какое-то важное донесеніе.

Онъ покончилъ съ собой.

А гдѣ же донесеніе, попало-ли оно въ руки его враговъ—русскихъ? Можетъ, затерялось?!

Какъ живутъ японцы, какъ работаютъ, объ этомъ уже писалось не мало, и я пропускаю.

* * *

Поздно—пора и въ обратный путь.

Почтовая тройка уже ждетъ меня.

Я сажусь на этотъ разъ въ рессорную коляску и ѣду на станцію Уторгошъ, московско-виндаво-рыбинской ж. д.

Правда, это дальше, но зато лучше. Здѣсь прекрасные вагоны, можно выспаться...

Тройка скачетъ, тройка мчится... Ямщикъ покрикиваетъ на лошадей, и мы быстро, стрѣлой, мчимся по безлюдному шоссе, то попадая въ рытвины, то выскакивая изъ нихъ...

Кругомъ ни одного жилья. Лошади фыркаютъ, гикаетъ кучеръ, вѣтеръ поетъ заунывную пѣсню...

Темно. Ни зги.

Скоро-ли станція?

С. Медвѣдь, 19-го марта. *Н. Марковъ.*

Какъ я былъ милиціонеромъ.

(Изъ профессорскихъ воспоминаній).

1.

Съ „внѣшнимъ врагомъ“ мнѣ не приходилось сражаться, но зато я долженъ былъ бороться съ „внутреннимъ врагомъ“, которымъ въ данномъ случаѣ являлись „свобододѣйствующіе“ поджигатели, поджигатели не въ какомъ-либо переносномъ, но въ самомъ простомъ, заурядномъ смыслѣ.

Въ 1883 году я былъ выбранъ совѣтомъ дерптскаго университета на вновь основанную каѳедру и переселился изъ Казани въ Дерптъ. И хотя я при этомъ терялъ въ матеріальномъ отношеніи (жалованіе дерптскихъ профессоровъ было тогда на 600 руб. ниже жалованья профессоровъ русскихъ университетовъ), но зато я приближался къ „Европѣ“, да, кромѣ того, бѣжалъ отъ вводившагося тогда заднимъ числомъ университетскаго устава 1884 года.

Предвкушеніе этого провокаторскаго устава я испыталъ еще осенью 1882 г., когда попечитель казанскаго учебнаго округа, пользуясь § 19-ымъ устава 1863 года., пріостановилъ дѣйствіе „законовъ“, ввелъ въ университетъ на цѣлыхъ шесть недѣль вооруженную силу и, во главѣ совѣта университета, чинилъ заочный судъ и расправу надъ всѣми студентами за то только, что они студенты. Это было тоже осуществленіе на дѣлѣ своеобразной „академической свободы“. Ибо, вѣдь, и наши „охранители“ допускали и допускаютъ „академическую свободу“. Только одни изъ нихъ видятъ ее въ безконтрольномъ пользованіи казенными дровами и прочимъ казеннымъ имуществомъ, другіе же, съ одной стороны, въ въ освобожденіи себя и подчиненныхъ отъ всякой законности, отъ чувства справедливости, отъ всякой честности и отъ остатковъ человѣческаго достоинства, съ другой же стороны, въ низведеніи преподавательскаго персонала на степень педелей, которые, стоя на заднихъ лапкахъ, поѣдаютъ глазами начальство и виляютъ хвостомъ.

Мнѣ подобная „академическая свобода“ никогда не улыбалась, и поэтому я воспользовался представившимся мнѣ случаемъ, чтобы промѣнять ее на дерптскія стѣсненія и „ограниченія“ свободы. Но, увы, убѣгая отъ казанской и общероссійской анархистической политики безшабашныхъ совѣтниковъ, я натknулся и въ Дерптѣ на свою, мѣстную политику, отразившуюся тоже и на моей собственной персонѣ.

Во-первыхъ, непримиримые захолустные политики, такъ называемые „балты“ крайняго фланга, разные фонъ-Эттингены, фонъ Вали и пр., не хотѣли признать во мнѣ безобиднаго ученаго и профессора, но уже за то только, что я осмѣлился пріѣхать изъ Россіи и преподавать въ дерптскомъ университетѣ, возвели меня въ чинъ „обрусителя“ и пытались „наказывать“ мою дерзость различными способами.

Затѣмъ, вмѣстѣ со мною пріѣхалъ въ Дерптъ покойный М. Н. Капустинъ, долженствовавшій впослѣдствіи, въ качествѣ попечителя, подготовлять исподволь почву для лишенія университета его автономныхъ правъ, для приведенія его къ одному общему знаменателю съ русскимъ университетомъ, однимъ словомъ, для водворенія той же благодати, плодомъ которой являются нынѣшніе „порядки“ и „безпорядки“. Но все-таки мнѣ удалось прожить въ Дерптѣ нѣсколько лѣтъ внѣ сферы дѣйствія устава 1884 г.. Когда въ концѣ 1884 г. тогдашній попечитель харьковскаго округа, покойный Н. П. Воронцовъ-Вельяминовъ (замѣтьте, уже не совѣтъ, а попечитель) предлагалъ мнѣ перейти въ Харьковъ на освободившуюся каѳедру, я отклонилъ отъ себя эту честь, заявляя, что, убѣжавъ отъ устава 1884 г. изъ Казани, я не намѣренъ испытывать его прелести въ Харьковѣ.

2.

Мало-по-малу надвигались тучи и на дерптскій университетъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ началась и тамъ обычная ломка устава, не столько законодательнымъ путемъ, сколько съ помощью разныхъ циркуляровъ, отдѣльныхъ распоряженій и, вообще, съ помощью принятаго въ такихъ случаяхъ разрушительнаго ковырянья. Настало ректорство назначеннаго ректоромъ, вопреки уставу, О. Ф. Мейкова, водворявшаго русскіе порядки и русскій языкъ при содѣйствіи нѣсколькихъ ничего по-русски не понимавшихъ заграничныхъ нѣмцевъ. Мейкова смѣнилъ въ 1892 г. А. С. Будиловичъ, явившійся первымъ чисто русскимъ ректоромъ. Въ началѣ 1893 г. Дерптъ уступилъ мѣсто Юрьеву, и въ томъ же 1893 г. я былъ представленъ ректоромъ къ увольненію отъ службы.

Уходя изъ Юрьева, я былъ въ правѣ спросить:

Укажите мнѣ такую обитель, гдѣ, при господствующемъ задорномъ и разрушительномъ режимѣ, возможно было бы обойтись безъ „политики“ и не вести „политической борьбы“, борьбы, можетъ быть, глухой и подавливаемой, но тѣмъ не менѣе изнуряющей и разстраивающей. Уклоняясь же вполнѣ отъ борьбы, завертываясь въ мантію безучастія и невозмутимаго научнаго спокойствія, рискуешь, вѣдь, очутиться въ состояніи, такъ мѣтко охарактеризованномъ однимъ изъ современныхъ поэтовъ.

Обростать мы станемъ шерстью
И хоть сможемъ ротъ раскрыть,
Но ужъ этому отверстью
Не придется говорить.

3.

Своеобразная дерптская „политика“ выразилась, между прочимъ, въ безпрерывныхъ пожарахъ, вспыхивавшихъ то тутъ, то тамъ и тревожившихъ городское населеніе. Благородныя задачи поджигателей облегчались въ значительной степени тѣмъ обстоятельствомъ, что прежній Дерптъ, а нынѣшній Юрьевъ наполненъ деревянными постройками, сообщающими ему скорѣе видъ большого села, нежели университетскаго города.

Я попалъ въ Дерптъ какъ разъ въ самый разгаръ пожарной эпидеміи. Пожары были

чуть-ли не ежедневно и даже появлялись почти одновременно въ нѣсколькихъ мѣстахъ. А такъ какъ господа поджигатели упражнялись почти исключительно ночью, то можно себѣ представить, въ какомъ настроеніи приходилось ложиться спать. Если весь Дерптъ не сгорѣлъ, если вообще пожары тушились очень скоро и не распространялись на сосѣдніе дома, такъ этимъ мы были обязаны превосходно устроенной и самоотверженной добровольной, охотничьей пожарной командѣ, работавшей даромъ и состоявшей отчасти изъ студентовъ, отчасти изъ постоянныхъ жителей города.

Поджигатели придерживались обыкновенно весьма простого способа. На чердакѣ дома, приговореннаго къ истребленію, помѣщали приспособленіе въ родѣ мышеловки, облитой керосиномъ и снабженной длиннымъ фитилемъ, конецъ котораго зажигался спичками. По истеченіи нѣкотораго времени пламя охватывало мышеловку и все остальное.

Кто совершалъ всѣ эти поджоги, такъ и осталось неразгаданнымъ. Виновникомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ оказался пироманъ, студентъ Шварцъ, племянникъ профессора, сжарившій въ одномъ изъ подожженныхъ домовъ другого студента, своего друга, и, наконецъ, пойманный при поджогѣ. Но, во-первыхъ, не было физической возможности, чтобы всѣ пожары совершались однимъ лицомъ, а затѣмъ и послѣ ареста Шварца почти ежедневно горѣли дерптскіе дома.

Ходили разные слухи о причинахъ хроническихъ пожаровъ. Одни приписывали ихъ племенной враждѣ между нѣмцами и эстонцами и аграрнымъ волненіямъ; другіе приводили ихъ въ связь съ нахлынувшей тогда ревизіей сенатора Манассеина, носившей по обыкновенію не столько цѣлительный и успокоительный, сколько скорѣе разрушительный и зажигательный характеръ. Но всѣ подобныя объясненія мало вѣроятны и даже просто не допустимы.

Какъ бы то ни было, но жители рисковали безпрестанно потерять свое имущество и самимъ быть сжаренными. Наличная полиція и наличные ночные сторожа не были въ состояніи устранить опасность, не изъ какого-либо злорадства, въ родѣ практикуемаго въ настоящее время, а просто по малочисленности и безсилію.

А между тѣмъ, опасность все возрастала. Терпѣнію насталъ конецъ. Безучастное созерцаніе и комментированіе смѣнилось стремленіемъ къ самозащитѣ и ея осуществленіемъ.

4.

По почину нѣсколькихъ лицъ было устроено совѣщаніе союза мѣстной „интеллигенціи“: профессоровъ, преподавателей, представителей свободныхъ профессій и прочихъ бюргеровъ.

Рѣшено было прежде всего увеличить крайне ограниченное число ночныхъ сторожей, съ такимъ именно расчетомъ, чтобы отдѣльные посты составляли безпрерывную цѣпь. Съ этою цѣлью пришлось обложить себя опредѣленнымъ ежемѣсячнымъ взносомъ (въ рубль или въ полтора рубля).

Кромѣ того, оказалось необходимымъ самимъ принять дѣятельное участіе въ охранѣ города отъ злоумышленниковъ. Весь городъ былъ раздѣленъ на кварталы или участки: отдѣльные участки охранялись извѣстнымъ количествомъ, отъ двадцати до тридцати, союзниковъ.

Время съ 10-ти часовъ вечера до 6-ти часовъ утра было раздѣлено на четыре смѣны, по два часа каждая, итого въ теченіе недѣли 28 смѣнъ, по одной смѣнѣ на каждаго изъ насъ. Но, чтобы никому не было обидно, отдѣльные участники отбывали свои дежурства въ различныя смѣны. Такъ, напримѣръ, если кому-либо пришлось дежурить по понедѣльникамъ, то на первой недѣлѣ онъ дежурилъ, положимъ, съ 10-ти до 12-ти, на второй недѣлѣ съ 12-ти до 2-хъ, на третьей съ 2-хъ до 4-хъ, на четвертой съ 4-хъ до 6-ти, послѣ чего повторялась та же очередь. Особенно непріятно было дежурство съ 2-хъ до 4-хъ часовъ ночи.

Отъ городской думы мы получили бляхи съ гербомъ города и полицейскіе свистки; вооружались же только палками. По тогдашнимъ обстоятельствамъ, въ другомъ оружіи надобности не представлялось.

Каждый изъ насъ приглашалъ себѣ въ спутники знакомыхъ молодыхъ людей, по преимуществу студентовъ и даже гимназистовъ старшихъ классовъ. Мнѣ предложили свои услуги три знакомыхъ студента изъ мѣстной польской корпораціи.

Къ началу смѣны весь отрядъ собирался на квартирѣ отвѣтственнаго дружинника и отправлялся въ обходъ. Обязанности отряда состояли въ слѣдующемъ: въ теченіе двухъ часовъ ходить безпрерывно и обходить всѣ улицы даннаго участка; осматривать входныя двери домовъ и провѣрять, заперты-ли онѣ на ключъ; съ помощью свистковъ и личнаго осмотра провѣрять, находятся-ли на своихъ постахъ ночные сторожа; въ случаѣ встрѣчи подозрительныхъ лицъ опрашивать ихъ и даже задерживать. На свистки контролеровъ ночные сторожа должны были отвѣчать свистками же; о своемъ же нахожденіи на постахъ ночные сторожа обязаны были заявлять во всеуслышаніе съ помощью трещетокъ. Къ концу смѣны патруль отправлялся на квартиру дежурнаго слѣдующей смѣны и сдавалъ въ руки его отряда охрану участка.

Мнѣ лично достался одинъ изъ самыхъ невзрачныхъ участковъ съ названіями улицъ по преимуществу ботаническаго происхожденія: Kartoffel-Strasse, Bohnen-Strasse, Erbsen-Strasse, Melonen-Strasse и т. д. На этихъ улицахъ почти не было ни мостовыхъ, ни тротуаровъ; а такъ какъ наша охранная дѣятельность началась осенью, въ октябрѣ, то приходилось довольно часто бродить въ грязи по колѣна. Калошъ было недостаточно, и надо было надѣвать толстые сапоги съ длинными голенищами.

Благодаря-ли нашей противопожарной организаціи, или же по какимъ-либо другимъ причинамъ, но хроническіе пожары вскорѣ прекратились, и происходили только обыкновенные спорадическіе случаи, объяснимые или неосторожностью, или же злымъ умысломъ застраховавшихъ свою собственность выше ея дѣйствительной стоимости. Тѣмъ не менѣе, строгій порядокъ опредѣленныхъ двухчасовыхъ дежурствъ продолжался нѣсколько мѣсяцевъ. Впослѣдствіи онъ смѣнялся сначала обязанностью выходить ночью въ опредѣленные дни, но только когда вздумается, безъ опредѣленнаго двухчасового дежурства, а затѣмъ, отъ поры до времени, совершенно свободнымъ, непредвидѣннымъ по расписанію контролемъ надъ ночными сторожами. Это послѣднее я уже совершалъ одинъ, безъ провожатыхъ, но зато съ собакою.

5.

Добровольный налогъ на ночныхъ сторожей мы уплачивали, сколько помнится, цѣлыхъ два года. Затѣмъ, все это дѣло перешло цѣликомъ въ вѣдѣніе города.

И вотъ не только мнѣ одному, но и большинству профессоровъ университета выпало на долю принимать участіе въ противопожарной милиціи, устройство которой было вызвано крайнею необходимостью, ибо тѣ, которымъ бы, по смыслу закона и по назначенію, слѣдовало вѣдать подобныя дѣла, оказались въ состояніи полной безпомощности.

Если устройство добровольной милиціи было необходимо для прекращенія пожарной эпидеміи, то съ тѣмъ большимъ правомъ можно бы требовать организаціи милиціи для огражденія обывателей отъ систематически ведущагося противъ нихъ похода со стороны вольной дружины истребителей своеобразно понимаемой „крамолы“. Возникновеніе самозащитительной милиціи желательно особенно въ виду того, что оффиціальные „охранители“ нетолько не предупреждаютъ случаевъ издѣвательства и надругательства, но или ограничиваются индифферентнымъ созерцаніемъ происходящаго, или даже упражняются въ подстрекательствѣ и сами принимаютъ участіе въ избіеніяхъ и насиліяхъ. Да не только они; вѣдь и нѣкоторые служители алтаря взываютъ къ истребленію „крамольниковъ“, сирѣчь иновѣрцевъ и всякаго рода „интеллигентовъ“. Послѣ Кишинева евреи помышляли о самозащитѣ; теперь настала очередь всѣхъ народовъ Россіи и всѣхъ слоевъ мирнаго населенія.

Пора же, наконецъ, сознать, что спокойная благоустроенная общественная жизнь временно пріостановлена, и что мы очутились въ состояніи повальнаго одичанія.

Кочующіе дикари, при надвигающейся на нихъ опасности, прячутъ женщинъ и малолѣтокъ въ середину и, окруживъ ихъ со всѣхъ сторонъ, готовятся дать отпоръ врагу.

Конечно, съ точки зрѣнія „непротивленства“ слѣдовало бы осуждать всякія попытки самозащиты. Но легко говорить о „непротивленіи злу“ тому, кто, сидя въ яснополянскомъ дворцѣ, можетъ спокойно философствовать и углубляться въ нирвану. Обыкновеннымъ смертнымъ не до размышленій объ одномъ только „личномъ совершенствованіи“.

И. Бодуэнъ-де-Куртенэ.

ЭКСПЕДИЦІЯ КЪ ЮЖНОМУ ПОЛЮСУ.

На-дняхъ въ Парижѣ получены, наконецъ, извѣстія объ экспедиціи, въ прошломъ году отправленной къ южному полюсу, на суднѣ „Français“ подъ начальствомъ Жана Шарко. „Matin“ напечатала слѣдующую телеграмму изъ Пуэрто-Мадринъ, небольшого поселенія на полпути между Буэносъ-Айресомъ и Магеллановымъ проливомъ:

„Мы всѣ на борту здоровы. Намъ удалось выполнить почти всѣ научныя задачи, которыя мы себѣ поставили. Выясненъ вопросъ о Бисмарковомъ проливѣ; мы узнали берега земли Александра, но огромныя массы льда помѣшали намъ пристать туда. Мы изслѣдовали также многіе неизвѣстные еще пункты Грагамовой земли. Мы узнали также Пальмеровъ архипелагъ. Теперь мы возвращаемся въ Буэносъ-Айресъ, чтобы отдохнуть. Жанъ Шарко“. Эта телеграмма разсѣяла опасенія, которыя уже высказывались о судьбѣ экспедиціи, до сихъ поръ не дававшей о себѣ вѣстей.

Руководитель нѣмецкой экспедиціи къ южному полюсу, профессоръ Эрихъ фонъ-Дригальскій, благополучно возвратился уже въ Вѣну и на-дняхъ будетъ читать лекцію о результатахъ изслѣдованій, добытыхъ экспедиціей подъ его начальствомъ. Лекція назначена на 13-е марта (28 февраля), въ одномъ изъ вѣнскихъ ученыхъ обществъ.

Капит. 14-го сибирск. полка
А. Т. Ушаковъ.

Капит. артил.
Н. В. Скрыдловъ.

Капит. 7-го сибирскаго полка
В. В. Цвѣтковъ.

Подп. артилл.
В. Д. Карамышевъ.

Поручикъ 27-го сибирскаго полка
В. Мальцевскій.

Мичманъ
Б. И. Бокъ.

Герои Портъ-Артура и георгіевскіе кавалеры.

Поручикъ 9-го ингерманландскаго полка
Орловъ,
раненный въ бою подъ Мукденомъ.

Шт.-кап. 11-го семипалатинскаго полка
В. В. Бѣляевъ.
раненный подъ Мукденомъ.

Подпоручикъ 285-го мценскаго полка
Н. М. Розановъ,
раненный подъ Мукденомъ.

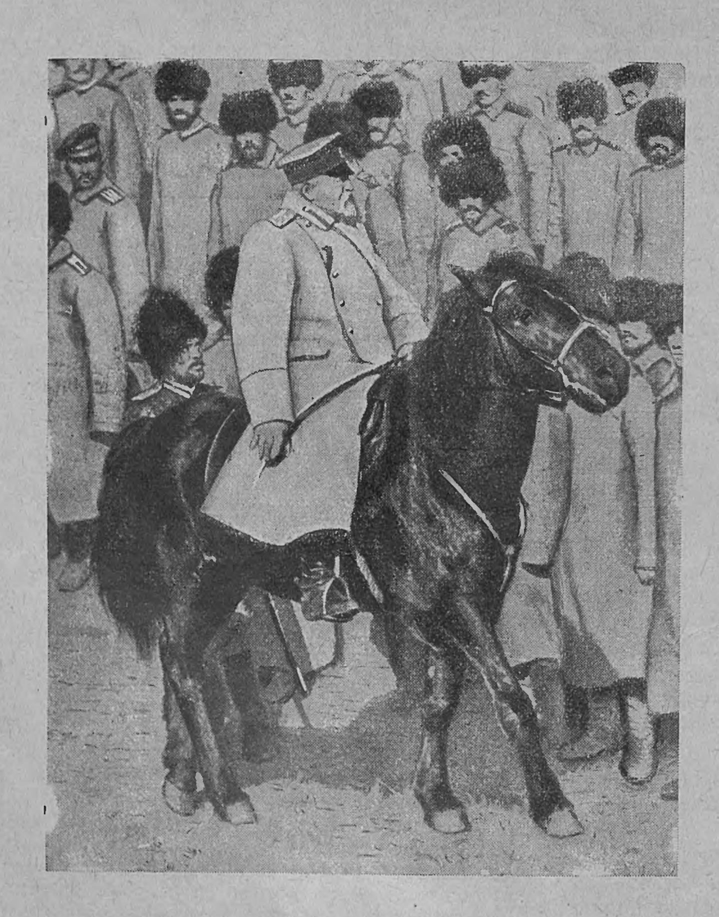
Поручикъ 54-го минскаго полка
Т. Т. Семеновъ,
убитый въ бою у Сандепу.

Поручикъ 2-го стрѣлковаго полка
А. Н. Кедринъ,
проколотый штыками у Сандепу.

Кап. 53-го волынскаго полка
Я. П. Романовъ,
раненный въ бою подъ Мукденомъ.

Главнокомандующій манчжурскими арміями, ген. отъ-инф. Леневичъ, производитъ смотръ войскамъ на мѣстѣ дневки.

Главнокомандующій манчжурскими арміями, ген.-отъ-инф. Леневичъ, на полѣ битвы во время боя.

Съ набросковъ корреспондента, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

За редактора Владимиръ Бонди. Тип. „БИРЖ. ВѢД." (С. М. Проппера), Спб., Мѣщанская, соб. д. № 25. Издатель „Иллюстрированныхъ Бирж. Вѣд." С. М. Проппер.